

ВЛАСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

И. Н. Колядко

*Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, kaliadka.bsu@gmail.com*

Власть выступает способом самоорганизации социальной системы, ориентированным на установление и поддержание ценностно-нормативного порядка взаимодействия. В своем классическом понимании осуществление власти предполагает реализацию таких способов управления и регулирования социальных отношений, которые способны обеспечить социальный порядок. В условиях цифровой трансформации основных сфер современного общества и формирования сетевой модели социальных коммуникаций власть осуществляется не столько посредством принуждения, а все в большей степени путем конструирования смысла на основе дискурсов, которыми акторы руководствуются в своих действиях. Конструирование дискурсивных практик выступает способом организации социокультурного пространства современного общества, социальная стабильность которого непосредственно связана с реализацией «символической власти», как особым способом самоорганизации социальной системы посредством ценностно-нормативного упорядочения связей и отношений между ее элементами. Современные социальные и коммуникационные технологии сами выступают разновидностью власти, оказываясь способными формировать паттерны общественного сознания.

Ключевые слова: власть; социальный порядок; ценности; социальные и коммуникационные технологии; дискурс; цифровая эпоха.

Современный этап развития техногенной цивилизации обосновано характеризуется в качестве *переходного, кризисного*. Уже сегодня видны контуры совершенно нового мира, который формируется в противоречиях цифровой эпохи. Стремительные изменения в сфере техники, технологий, научно-технический прогресс радикально обновляют предметную среду, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека. Одновременно с этим возникают новые формы человеческого труда, новые типы социальных коммуникаций, способы хранения и передачи информации, новые формы взаимодействия различных культурных традиций [1, с. 67]. С развитием новейших конвергентных технологий – нано-, био-, инфо-, когнитивных-, социальных технологий (*NBICS-технологии*) – исследователи связывают новый этап в развитии техногенной цивилизации, в частности возникновение «*общества знаний*». В последнем знание, и прежде всего, научное, начинает играть особую роль: производство, распределение и использование знания начинает определяющим образом влиять на все остальные социальные и культурные процессы. На основе современного научного знания вырабатываются

такие технологии, которые глубоко *трансформируют сложившийся природный и социальный порядок* [2]. В этой связи актуальной становится проблема экспликации *феномена власти*, выявление ее основополагающих характеристик и функций в цифровую эпоху в целях минимизации количества и степени возникающих рисков для жизни человека и общества.

Власть в своей сущности выступает в качестве способа самоорганизации социальной системы путем установления и поддержания ценностно-нормативного порядка коллективного взаимодействия. Властные отношения лежат в основе общественных институтов, регулируя их взаимодействие и определяя функциональный статус в социальной системе. Опираясь на *экстраутилитарные ценности*, власть выступает и способом организации социальной целостности, и средством регуляции деятельности индивидов на основе установления определенных норм взаимодействия. При этом различные разновидности, *способы осуществления власти*, такие, как *принуждение, насилие, стимулирование, манипулирование* в обществе традиционного типа реализовывались сверху вниз, что позволяло воспринимать их как инструменты воздействия, *внешние* по отношению к интересам и потребностям человека и общества. Нередко власть конституировалась в качестве «аппарата насилия», что ассоциировало ее с *репрессивным механизмом принуждения* в лице верховной инстанции, в роли которой нередко представало государство и его институты. На современном же этапе социодинамики техногенной цивилизации властные отношения формируются в сознании людей преимущественно в *ходе процессов коммуникации*, конституируются не сверху вниз, а преимущественно в «горизонтальной» плоскости. В этом состоит определенная «революционность» в понимании способов и форм реализации властных отношений и с этим связано *изменение роли социальных и коммуникационных технологий* в формировании социокультурного пространства современного общества.

Современные социальные и коммуникационные технологии создают *символическую среду* – «*символический универсум*» [3], в котором индивиды воспринимают и оценивают происходящие события, придают им определенное доминирующими культурными универсалиями значение, формируют картину социальной реальности. М. Фуко принадлежит к числу мыслителей, впервые глубоко изучивших данный феномен. В своей работе «Надзирать и наказывать» [4, с. 23] он раскрыл принципы функционирования власти в эпоху господства современных средств массовой коммуникации. Так, *медиа* представляют собой не просто каналы информации и коммуникации, но выступают в качестве активных средств *конструирования реальности*. Социальные и коммуникационные технологии трансформируются в ключевые инструменты влияния,

формирующие идентичность акторов социальных взаимодействий на всех уровнях: от обыденного сознания до специализированных формообразований культуры. Социальные сети и цифровые онлайн-платформы существенно воздействуют на восприятие и программы деятельности и поведения индивидов. Это демонстрирует параллели между концепцией биовласти М. Фуко и современными цифровыми механизмами контроля. Собирая и обрабатывая данные об индивидах, современные средства коммуникации воздействуют не только на способы их жизнедеятельности, но и на психические установки, модели поведения и культурные нормы. Согласно М. Фуко, *власть всегда сопряжена с производством знания*, которое служит ее интересам, определенным образом упорядочивает и нормализует общественные связи. При этом знания в цифровую эпоху генерируются преимущественно посредством цифровых интернет-платформ, а не специализированными социальными институтами.

Так, Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляции» утверждал, что средства массовой коммуникации не просто транслируют информацию, а *конструируют реальность*, превращая события в симулякры (копии без оригинала) [5, с. 134]. По его мнению, медиа, как одна из ключевых коммуникационных технологий цифровой эпохи, участвуют в процессе создания *гиперреальности*, где фактическое и вымышленное сливаются до неразличимости. Такая интерпретация медиа как могущественного инструмента формирования восприятия подчеркивает их роль в процессах установления и поддержания власти. Таким образом, получается, что те, кто управляет социальными и коммуникационными технологиями, определяет способы формирования социальной картины мира на основе технологий событийности и постправды.

Развитие социальных и коммуникационных технологий и широкое распространение на рубеже XX–XXI вв. «всемирной паутины» существенно трансформировало структуру властных отношений. Интернет превратился в пространство, где информация перестала жестко контролироваться медиакорпорациями, выражающими интересы государства, бизнеса или иных влиятельных социальных институтов. Как отмечает в этой связи М. Кастельс «с наступлением эпохи цифровых коммуникаций трансформация коммуникации и последовавшие за этим изменения в организации и культуре глубоко повлияли на способ функционирования властных отношений» [6, с. 9]. На первый взгляд, эти изменения выглядят как демократизация власти, поскольку расширился свободный доступ к производству и потреблению информации и знания. Однако это, по мнению М. Кастельса, разрушает традиционные границы между элитами и массами, порождая феномен «*сетевого общества*» с преобладанием горизонтальных связей социальных взаимодействий, где децентрализованные структуры приходят на смену иерархическим

формам организации власти [6, с. 204]. Тем не менее, происходящий сдвиг от массовой коммуникации к *децентрализованной массовой самокоммуникации* открывает пространство для реализации «наиболее фундаментальной формы власти – власти формировать человеческое сознание» [6, с. 48].

Распространение социальных и коммуникационных технологий на современном этапе социодинамики техногенной цивилизации оказало влияние на трансформацию социальных взаимодействий: индивиды получили возможность не только потреблять, но и создавать контент, а вместе с этим и принимать участие в формировании *дискурсивных практик*, как способов упорядочения социальной реальности. С одной стороны, это создало предпосылки для возможности выбора индивидами культурной и иных форм самоидентификации. Однако, с другой стороны, описанные сдвиги стали фактором *фрагментации социокультурного пространства*, образуя многомерный общественный дискурс с разнообразными позициями и различными формами идентификации. Последнее обстоятельство превращает современное «общество знания» в «*общество риска*», поскольку власть, призванная консолидировать общество посредством его ценностно-нормативного упорядочения, сама подвергается фрагментации и влиянию продуцируемых ею дискурсов. Реализуя свой упорядочивающий и нормативный потенциал посредством современных социальных и коммуникационных технологий, власть в цифровую эпоху осуществляется путем «производства и распространения информации, культурных кодов, а также создания новых технологий контроля и раскрытия анонимности, ограничения приватности» [7, с. 148]. Таким образом, «информационное насилие, распространяемое посредством информационных технологий, превращает наше существование в "электронный паноптикум", т. е. в жизнь в условиях тотального контроля» [7, с. 149].

Выступая основным средством реализации власти в цифровую эпоху, социальные и коммуникационные технологии открывают, как возможности, так и риски для социокультурного развития техногенной цивилизации. Открывая пространство для развития творческих способностей человека, для расширения пространства его свободы, социальных и межличностных связей, социальные и коммуникационные технологии вместе с тем создают предпосылки для манипулирования личным и общественным сознанием, навязывая определенные интерпретации событий или фабрикуя образ реальности. Манипулятивный характер формируемой *цифровой реальности* становится главной опасностью некритического применения современных социальных и коммуникационных технологий в различных сферах современного общества. Реализация властных отношений в цифровую эпоху связана с формированием пат-

тернов общественного сознания, а конструирование дискурсивных практик выступает способом организации социокультурного пространства техногенной цивилизации. Поэтому с ростом влияния социальных и коммуникационных технологий для государства становится жизненно необходимо сохранить за собой право на формирование «легитимного видения мира» [8] и соблюдение принципов неделимости безопасности.

Библиографические ссылки

1. *Степин В. С.* Типы цивилизационного развития / *Философская антропология и философия культуры*. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. С. 67–85.
2. *Лекторский В. А.* Возможно ли постчеловеческое будущее? // *Философия. Познание. Культура*. М.: Канон+Реабилитация, 2012. С. 170–176.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Гараж, 2020.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
6. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2023.
7. *Сидоренко И. Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017.
8. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // *THESIS*. – 1993. Вып. 2. С. 137–150.